

Спортплощадка частной академии И Мин была довольно большой, на ней даже был просторный тренажерный зал со множеством тренажеров. В плане инфраструктуры школа была хорошо оборудована.

— Почему Чжан Гуаньсин привел меня сюда? — Поле было абсолютно пустым, на нем не было ничего, за чем можно было бы спрятаться. Хань Фэй понимал, что, выйдя на поляну его сразу обнаружат. Хань Фэй остановился. Остановившись, Хань Фэй увидел, что Чжан Гуаньсин подзывает его, громко лая.

— Ты хочешь что-то показать? — После того, как Чжан Гуаньсин превратился, он не мог говорить, но, казалось, сохранил человеческий разум и личность. Прижимаясь к стене, Хань Фэй решил пойти за Чжан Гуаньсином через поле в направлении спортзала. После прибытия, Чжан Гуаньсин внезапно рванул вперед, как будто что-то учуял в воздухе. Теперь стало ясно, что куда он его вёл. Это оказалась груда оборудования в северо-восточном углу комнаты. Там пряталась девушка с телом пронизанным трещинами, обхватив колени и свернувшись калачиком, она тихо плакала. Борозды проходили сквозь все ее тело, она сломалась бы даже от малейшего касания.

Её лицо уткнулось в колени, а слезы переставали течь. Она не хотела проливать свои слезы перед другими, поэтому выбрала этот тихий уголок, чтобы выплакаться.

Чжан Гуаньсин завилял хвостом, кружа вокруг девушки. Он даже тёрся головой о её руку. В этой школе Чжан Гуаньсин был бешеным псом, которого ненавидели все. Но эта девушка, казалось, не питала к нему никакой ненависти. Она позволила ему приблизиться к себе, несмотря на своё состояние.

Чжан Гуаньсин изо всех сил старался подбодрить девушку, корча смешные рожицы, но девушка не обращала на него внимания. Она продолжала плакать и ни разу не подняла глаз. Почувствовав боль девушки, Чжан Гуаньсин тоскливо заскулил. Он хотел разделить ее боль, но был всего лишь собакой, поэтому не мог понять, что случилось с девушкой. Единственное, что он мог сделать, это лаять, чтобы она обратила на него внимание, но чем громче он лаял, тем сильнее девушка плакала. Чжан Гуаньсин хотел утешить её, но сделал всё только хуже. Возможно, лай Чжан Гуаньсина был слишком резким для девушки или его лёгкие толчки причиняли лишь боль.

Плачущая девушка мягко оттолкнула Чжан Гуаньсин в сторону. Он умоляюще взвизгнул, желая остаться с ней, но от этого слезы девушки потекли только сильнее.

— Стоит дать ей немного времени прийти в себя. — Хань Фэй протянул руку, чтобы погладить Чжан Гуаньсина по голове. Картина плачущей фарфоровой девочки и собаки с человеческим лицом было на удивление реалистичным. Девушка с хрупким телом, должно быть, была подружкой Дикой Собаки, Чуся. В реальности Чжан Гуаньсин, тоже чувствовал боль её боль. Он хотел разделить боль с Чусей, но сам оставался никем не любимым ребенком, поэтому тоже не знал, как проявлять чувства и исцелять кого-то. Он не мог связаться со своей девушкой, как бы сильно ни старался. Он делал все возможное, чтобы сделать её счастливой, но усилия были тщетны. Обе стороны лишь больше страдали.

Ма Маньцзян использовал Чусю. Друг, вероятно, ещё не успел узнать об этом, он только чувствовал её муки. Хань Фэй предположил, что Чжан Гуаньсин не смог поступить правильно. Эмпатия явно не была его лучшей стороной. Чжан Гуаньсин, скорее всего, подтолкнула Чусю рассказать ему о проблеме, что только сильнее раскрыло раны. Возможно Цзянь Шэн раскрыл Чжан Гуаньсину правду. Вот почему тот ночью пробрался обратно в школу. Возможно, он хотел

извиниться или же отомстить от имени своей девушки, в любом случае, всё закончилось его смертью. В мире памяти Чжан Гуаньсин действительно был похож на бродягу, который прошёл все круги ада.'

Держа Чжан Гуаньсина он заставил его умолкнуть, Хань Фэй подошёл к девушке с кожей, пронизанной трещинами. Как только он приблизился, она непроизвольно обхватила себя руками, защищаясь, словно напуганный ребёнок. Она закрыла от всех свою душу, что дало ей чувство безопасности.

Чуся была изнасилованной школьницей, ее тело было буквально сломано. Пустые слова утешения и бестактное выпытывание правды сделало бы всё только хуже. Все, что делал Чжан Гуаньсин было только из беспокойства, но в такие моменты с Чусей нужно было обращаться осторожно. Что ей действительно было нужно, так это поддержка и забота. Нужно было дать понять, что бы ни случилось, рядом с ней всегда будет кто-то, кто придаст ей сил.

— Я новый учитель в этой школе, что бы ни произошло, я помогу тебе. — сказал Хань Фэй мягким голосом. Это было не в его стиле, но чтобы успокоить девушку, он мог только играть эту роль.

— Нет необходимости что-либо говорить. Если ты почувствуешь страх или захочешь поговорить, то всегда можешь найти меня. — Пока Хань Фэй говорил это, он внимательно наблюдал за девушкой.

Её тело треснуло во многих местах, это олицетворяло ее боль и хрупкость. Она постоянно находилась в опасности, страх буквально разбивал ее кожу.

Хань Фэй не хотел слишком сильно давить. Он был терпелив, добр и мягок.

Примерно через 10 минут Чуся, перестала плакать. Она использовала свои руки, чтобы вытереть слезы. Когда она подняла голову, Хань Фэй увидел нечто, что заставило его сердце трепетать. Под потрескавшейся кожей девушки текли хаос, страх и меланхолия. Однако под всеми эмоциями скрывались ножницы, излучающая невообразимое количество ненависти. Они находились прямо у ее сердца.

Сердце билось слабо, ведь тело Чуси все равно слишком хрупким, чтобы нуждаться в поддержке. Единственное твердая вещь в ней это острые и заточенные ножницы.

Хань Фэй догадывался, почему ненависть в Чуси приняла форму ножниц. Мир Цзянь Шэна невероятно символичен, но в то же время ужасающе реален.

'Я до сих пор не мог найти никакого оружия, хотя целью было убийство Ма Маньцзяна, но теперь...' Хань Фэй изучал ножницы в сердце. Ножницы излучали сильную ненависть к ответственному за все её страдания, они были созданы только для того, чтобы убить Ма Маньцзяна!

'Ма Маньцзян изнасиловал её в реальности, поэтому, чтобы это животное понесло заслуженное наказание, лучшим выходом было заставить Чусю раскрыть правду! Таким образом, в этом мире Чуся носит оружие способное убить это чудовище! Однако оно застряло слишком глубоко в её сердце. Если попробовать достать ножницы силой, то она окончательно сломается.'

Если Чуся в открытую расскажет об этом преступлении, то ей снова придётся столкнуться с воспоминаниями о случившемся. В мире, где во всём винят жертв, а преступник обладает

достаточной властью, всё могло обернуться совершенно не в пользу Чуси.

Это объясняет, почему Чуся не вытащила ножницы в реальной жизни и позволила Ма Маньцзяну свободно рушить судьбы других людей. Очевидно, это была не её вина. Это чудовище связано с Бабочкой, у него было много ресурсов, чтобы играть с этими детьми, это совершенно разные лиги.

Все обретало смысл в этом искажённом мире. Реальность и этот мир медленно, но верно сплетались в цельную картину. До начала миссии управляющего, Хань Фэй даже представить не мог, что глаза Цзянь Шэна видят мир таким.

<http://tl.rulate.ru/book/61445/3313101>